

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

« ГРУППА ★ АНТИТЕРРОР »

СПЕЦНАЗ

Максим ШАХОВ

ЮЖНЫЙ КРЕСТ

Максим Шахов

Южный крест

«ЭКСМО»

2013

Шахов М. А.

Южный крест / М. А. Шахов — «Эксмо», 2013

В одной из латиноамериканских стран предпринята попытка военного переворота – в столице идут кровопролитные бои и повстанцы вот-вот свергнут действующую власть. Сотрудники российского посольства спешно эвакуируются, но самолет, на котором они пытаются покинуть страну, сбивают боевики мятежного генерала Ордоньеса. Выживших в авиакатастрофе повстанцы берут в плен. На помощь пассажирам и членам экипажа отправляется группа разведчиков под командованием капитана Серова. Бойцам приказано уничтожить генерала Ордоньеса и освободить заложников...

© Шахов М. А., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

S.O.S	5
Первое знакомство	14
Новые флибустьеры	21
Разведка не дремлет	26
Женщина на корабле	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Максим Шахов

Южный крест

S.O.S

В российском посольстве царила паника. Начавшиеся два дня назад беспорядки на восточном побережье Эссекибо внезапно перешли в гражданскую войну, которая будто пожар охватила всю страну. Охраняемая национальной гвардией столица Сан-Кристобаль продержалась всего один день. Плохо организованные группы бандитов с сине-зелеными повязками на головах не могли сладить с вымуштрованными заграничными военспецами командос и были рассеяны в прилегающей к столице густой сельве. Однако ночью в президентском дворце громыхнуло, и вскоре зарево пожара, вырвавшись из сонно колышущихся пальм, подсветило черное небо зловещим багровым оттенком. Город встретил пасмурное дождливое утро безлюдными улицами и несвойственной тишиной, затаившись в ожидании чего-то страшного и неминуемого. Согласно слухам этой ночью президент был убит взрывом бомбы, подложенной кем-то из приближенных. В четыре утра национальные гвардейцы оседлали свою легкую бронетехнику и отбыли в неизвестном направлении, никем не задержанные и никем не преследуемые. Вслед за ними улизнула из города и вся управленческая верхушка, включая шефа полиции, а рядовые полицейские, взломав оружейные комнаты участков, растащили арсенал по домам, где и заняли круговую оборону в ожидании развития событий.

А город остался один на один с не обещающей ничего хорошего неизвестностью...

Все это стало известно и в посольстве, но номенклатурный выкормыш посол Порезов категорически отказывался принимать какие бы то ни было экстренные меры до «официального подтверждения сверху». Однако мирно засыпающая Москва молчала, ей были неизвестны слухи, бродившие по Сан-Кристобалу, тем более что была суббота, и дежурные клерки из МИДа всячески открещивались от просачивающихся в СМИ тревожных сообщений, также ожидая подтверждения сверху.

Не чаял Федор Протасьевич Порезов, отправляясь в почетную ссылку – послом в теплые края, – что мирная страна Эссекибо выкинет такой фортель. Он-то намеревался пересидеть годик-другой на Карибах, ожидая, когда закончатся пертурбации в правительстве, и вернуться по-тихому на свое старое место, а бог даст, и занять кресло начальника, давно дышащего на ладан. И все, в общем-то, отлично складывалось. Он поехал в Эссекибо один. Жена его управляла через подставных менеджеров огромным семейным бизнесом, который она развернула, когда Порезов был еще в силе, и наотрез отказалась ехать в латиноамериканские болота на съедение москитам. Поначалу Федор Протасьевич тяготился одиночеством. Ему не хватало твердой руки его жены, направлявшей его не только дома, но и на работе. Однако со временем он привык и даже как-то посвежел. А тут еще так удачно подвернулась переводчица Варенька, которая стала для посольства находкой, а для посла главным эликсиром молодости и стимулом для угасающей мужской силы. Она прожила в Эссекибо шесть лет и, пока жив был муж, вращалась с ним в высших сферах. Судя по всему, она не бедствовала, и ее работа в посольстве скорее хобби, но как бы то ни было, все, за что она бралась, делалось споро и успешно...

– Не вижу причин для беспокойства, – твердил Порезов без усталости, отражая нападки своей сборной команды подчиненных, каждый из которых, козыряя своими связями и покровителями, чего-то требовал, кричал, настаивал. – Потерпите, любезный. С минуты на минуту придут указания из Москвы. А пока займитесь своими делами...

Но Москва все молчала, а в это время из сельвы появились сине-зеленые выходцы с юга, в большинстве своем араваки, трепетно проникшиеся идеями Фиделя и Че и жаждущие борьбы

с угнетателями за светлое будущее. Они беспрепятственно вошли в город, наводнили набережные и бульвары пестрыми толпами колченогих монголоидов, выкрикивали лозунги, раскатывали по городу на конфискованных полицейских джипах, щедро расстреливая в воздух магазины своих автоматов. Но эти либертадорес (освободители) продержались недолго и на следующее утро были выбиты колоннами резервистов с западного побережья, состоявшими в основном из антильских негров, говорящих на никому не понятном папьямиенто. Эти вели себя как настоящие захватчики на вражеской территории и с особой жестокостью расправлялись со всеми, у кого лицо было чуть светлее погасшей головешки.

Население столицы или в страхе бежало из города, или, забившись в потаенные уголки, ожидало подхода креолов, которые собирались с силами в центре страны. Возглавлял креолов генерал Примитиво Перес, ярый реакционер, поддерживаемый наиболее консервативным потомственным офицерством и плантаторами центра. Большой частью это были потомки конкистадоров, кичившиеся своим происхождением от известных испанских бандитов, пять веков назад грабивших индейцев под предлогом распространения истинной веры среди язычников.

– Не вижу причин для беспокойства, – отвечал Порезов заезжему политологу, явно фээсбэшнику, вещавшему о раскладке сил в стране и о возможных роковых последствиях промедления с решением об эвакуации. – Мы защищены дипломатическим иммунитетом. Никто не посмеет вторгнуться на территорию посольства. И вообще, решение об эвакуации должно быть согласовано с министром. Так что выкиньте из головы эту дурь и идите, пожалуйста, пишите свои статейки.

Утренняя тишина третьего с начала беспорядков дня была взорвана интенсивной канонадой на севере столицы. Это части под командованием Примитиво Переса начали штурм города. Антильские негры отчаянно сопротивлялись, неохотно откатываясь к центру города, где в это время возводились баррикады, устраивались огневые точки и минные заграждения. Ожесточенность схватке добавляли врожденная вековая ненависть черных рабов к белым хозяевам и презрение последних к жалким и бессловесным обезьяноподобным существам, которые на протяжении пятисот лет безропотно находились в рабстве.

В центре креолы нарвались на засады антильцев и под кинжальным огнем вынуждены были откатиться назад, чтобы, собравшись с силами, снова пойти в атаку. Надо же было так случиться, что в этот самый момент сработала цепочка связей в Москве: обеспокоенные шифровками своих людей в посольстве военные и контрразведчики бросились докладывать по своим инстанциям. Где-то в верхах силовых учреждений начались движение, звонки, перекрестные переговоры, затем последовало коллективное восхождение «на ковер». Там недоуменно вздернули бровь. «Что еще за географические новости? Какое такое Эссекибо? Почему лезете с мелочами? Не можете сами разобраться?» Но оказалось, что вовсе не мелочи, а очень важный секретный проект горит синим пламенем. Просто не хотели беспокоить до полной ясности. «Так почему же сразу не доложили? Думали? Да кто вам позволил думать? И без вас есть, кому думать! Отправьте туда авианосец или пару-тройку боевых кораблей, пусть эвакуируют посольство и наведут порядок!» Ан нет, оказывается, политическая обстановка не способствует силовому решению. Да и поздно – от звездно-полосатых флагов в Карибском море уже в глазах рябит...

Вернувшись несолоно хлебавши, силовики выработали общую линию и составили радиogramму послу. Результат этого коллективного творчества выглядел так: «Срочно. Секретно. Немедленно приступить к эвакуации посольства. Уничтожить документы за исключением материалов геологической группы. Ответственным за эвакуацию назначить Минаева».

Посол недоуменно смотрел на радиogramму, испытывая двойственные чувства. С одной стороны, это было облегчение – категоричность инструкций полностью исключала необходимость думать и брать на себя ответственность за собственные решения, а с другой стороны,

давало о себе знать уязвленное самолюбие. Почему это руководство возложено на заезжего писаку-политолога? И что еще за геологи такие? Неужто их замусоленные карты важнее дипломатических документов на гербовой бумаге с круглыми печатями и всевозможными подписями?

В общем, в посольстве все завертелось. Преисполненные рвением служащие попытались чинно и с достоинством выполнить указания центра и уйти с тонущего корабля с высоко поднятой головой. Но возобновившаяся теперь уже совсем рядом канонада внесла в их действия определенную нервозность, а когда пули из крупнокалиберного пулемета размером с порционный огурчик из немецких консервов стали залетать в окна, круша мебель и выбивая из стен полуведерные куски штукатурки, их слаженные действия превратились в истеричную беготню без цели и смысла. Покинуть здание посольства с торжественно-траурной медлительностью тоже не удалось. К машинам бежали зигзагами, пригибаясь к земле и падая при каждом разрыве снаряда или гранаты, а по дороге в аэропорт чуть не сбили нескольких и без того испуганных местных жителей.

Видавший виды «Ил-76», натужно гудя двигателями, вырулил на взлетную полосу и без паузы начал разгон. Командир, сосредоточенный на взлете, пропустил мимо ушей истерические выкрики диспетчера, заглушаемые автоматными очередями, и без колебаний продолжил разбег, отрезая грузной машине все возможности вернуться на землю. Сидящие в душном грузовом отсеке дипломаты дружно потели, вжавшись в жесткие сиденья явно не бизнес-класса. Кто-то тихо молился, у кого-то лицо перекосило дурацкой улыбкой, а кто-то просто тупо смотрел в одну точку, замерев в послешоковом ступоре.

В то самое время, когда пузатый «Ил» наконец оторвался от бетонной полосы и медленно начал набирать высоту, из подлеса на другом конце аэродрома выкатили три допотопных бразильских бронетранспортера «Уруту». С них споро прыгнули три десятка десантников, которые тут же рассыпались веером, охватывая полосу с двух сторон. Реакция командира роты, по пояс торчащего из люка бронемшины и раздающего приказы направо и налево, была скорее инстинктивной реакцией охотника при виде вспорхнувшей из кустов птицы – сначала выстрел навскидку, а потом разберемся. Ни тип самолета, ни его принадлежность его мозг определить не успел, так как в него был вбит приказ: «Взять под контроль аэропорт и не допустить взлета и посадки любых летательных аппаратов!» Отстранив повелительным жестом стрелка-радиста, он сам схватил гашетки зенитного «Гочкиса» и быстро поймал в прицел надвигающуюся машину тяжеловеса.

– Зенитка прямо по курсу! – успел крикнуть бортинженер, заметив, как вывалившийся из кустов защитного цвета клоп на колесах остановился и повел хоботом в сторону взлетающего самолета.

Командир среагировал мгновенно. Он тут же потянул штурвал на себя и заложил крутой левый вираж. Самолет взвыл и, чуть не чиркнув крылом о бетон, свечкой пошел вверх. Но в прицеле пулемета теперь появилось толстое брюхо «Ила», и первая же очередь прорезала его по всей длине от носа до хвоста. Из своего «фонаря» бортинженер видел, как и без того маленький колесный клоп стал удаляться, становясь все меньше и меньше. У него даже отлегло от сердца. Казалось, будто бы затерявшееся в зеленке насекомое теперь совсем не опасно. Но тут тонкий хоботок изрыгнул сноп рыжего пламени. Стекло фонаря брызнуло в лицо мелкими осколками, а дальше была темнота...

Псевдополитолог Минаев (впрочем, в политологии он неплохо разбирался, хотя подход его к этой науке был чисто практическим) не раз бывал в различных передрыгах, но лететь навстречу смерти в падающем в океан самолете ему пока не приходилось. Самолет болтало. Видимо, летчики отчаянно пытались выровнять машину, но это им удавалось с переменным успехом. Крылатая гора металла то взмывала вверх, то сваливалась в угрожающее пике, вибрируя всем своим нутром, где бились в истерике или окаменели в тупой обреченности почти

три десятка пассажиров. Имелись и такие, которые, не теряя самообладания, готовились к худшему, но надеялись на лучшее. Среди этих «отщепенцев» был и Минаев. Подавляя рвотные позывы и непроизвольно напрягаясь от неприятных ощущений в паху, когда самолет проваливался в очередную яму, он тем не менее деловито осмотрелся, проверил, хорошо ли закреплены стоявшие рядом ящики с имуществом посольства, посильнее затянул ремень безопасности и, укоротив наплечный ремешок своей спортивной сумки, перекинул его через плечо. Пистолет из наплечной кобуры он переложил в наружный карман сумки, боясь, что при падении он может травмировать ребра. Затем отыскал на ощупь выпуклую заклепку в боковом кармане сумки и, немного помедлив, сильно надавил на нее. На этом его миссия в данных условиях была выполнена. Встроенный в пластиковое дно сумки передатчик послал во все концы множественный сигнал SOS, который вскоре дойдет куда следует, и положение терпящего бедствие самолета будет запеленговано спутником. Сейчас он закрыл глаза и попытался войти в своеобразный транс, отключиться от реальности, пока ситуация снова не потребует от него новых решений.

Впрочем, уйти слишком глубоко в нирвану Минаеву не удалось из-за навязчивых рвотных позывов и постоянной болтанки. Тем не менее он не заметил, когда самолет окончательно вошел в пологое пике и понесся по касательной в зияющий синевый океан. Летчики всеми силами пытались дотянуть до группы небольших атоллов в нескольких милях от побережья и посадить самолет на мелководье между ними. Это и удалось бы, если бы не отказали три двигателя. Маневрировать на оставшемся моторе было очень сложно, а когда отказал и этот, самолет плюхнулся на воду и с разгону врезался в мангровые заросли, окружавшие лагуну ближайшего атолла. Грохот фюзеляжа, хруст ломающихся деревьев, скрежет разрываемой обшивки слились с криками обезумевших от ужаса людей, и когда все внезапно стихло, Минаеву показалось, что он умер. Тем не менее он заставил себя пошевелить рукой – та была на месте. «Почему же так темно? Я ослеп?» Он провел пальцами по лицу и, коснувшись глаз, понял, что они просто-напросто крепко зажмурены. Видимо, со всеми остальными происходило что-то подобное, потому что гробовую тишину вдруг разорвали крики, стоны, призывы о помощи. Открыв глаза, Минаев огляделся и сразу оценил ситуацию. Большинство пассажиров отделались пусть и не легким, но только испугом, а также ушибами и ссадинами. Однако не всем повезло – в средней части левого борта фюзеляж разорвался, будто бумажный, острые края искореженной обшивки и корявые ветки мангровых деревьев торчали во все стороны – подойдя поближе, Минаев увидел как минимум три изуродованных тела без признаков жизни, и еще столько же были тяжело ранены. Но он не задержался здесь, а пошел напрямиком в хвостовую часть, где находились вещи геологов. Перед ним стояла четкая и ясная задача, которую он должен был выполнить, даже если пришлось бы переступить через молящих о помощи женщин и детей. Он должен был забрать у геологов большой бронированный чемодан с секретными документами и надежно спрятать его на острове, предварительно активировав опознавательные маячки и систему самоуничтожения при попытке взлома. Руководителю геологов, уже исправно занявшему пост возле своего хозяйства, Минаев шепнул что-то на ухо, и тот нехотя вынул из-под багажной сетки матовый черный чемодан и передал его из рук в руки. Было заметно, что настоящее лицо геолога постепенно светлеет и становится почти радостным от того, что вместе с чемоданом он сбросил со своих плеч и бремя непосильной ответственности.

Как ни торопился Минаев побыстрее покинуть самолет, все же ему пришлось потратить около получаса, помогая механику и второму пилоту открыть заклинившийся от удара аварийный люк. Знал бы он, куда приведет его эта спешка через несколько минут, повнимательней огляделся бы вокруг и, может быть, встретился взглядом с той парой глаз, что неотрывно следила за ним с момента приземления. Но ничего Минаев не знал, и не сработало у него шестое чувство, он просто выпрыгнул из самолета и через несколько мгновений скрылся в непролазных мангровых зарослях.

Через двадцать минут он наконец нашел узкую протоку, которая, по-видимому, вела к лагуне в центре атолла. Протока была хорошим ориентиром, и Минаев решил спрятать чемодан где-то рядом, но не на виду, а чуть в глубине, чтобы найти его мог только тот, кто будет знать место или воспользуется специальным локатором. Пристроив чемодан на пологой ветви, он открыл в его боку небольшой лючок, где находилась клавиатура пульта управления. Дальше все было просто. Коды доступа он знал наизусть, так что запустить программу ему не составило труда – и через несколько минут компьютер вывел сообщение об активации аварийной программы. Осталось только спрятать чемодан понадежнее и вернуться к самолету.

Треск ветки за спиной был настолько неожиданным, что прозвучал как выстрел. Минаев бросил чемодан и, выхватывая из кобуры «беретту», стал резко поворачиваться на звук, когда послышался хлопок, и что-то больно ударило его в шею. Ощущение было такое же, как от укуса пчелы, но по тому, как сразу помутилось сознание и тело налилось тяжестью, он понял, что это не насекомое. Последним усилием он повернул корпус и, в отчаянном напряжении выбрасывая руку вперед, выстрелил. Тут же мозг его отключился, и оставшееся без управления тело грузно повалилось в мангровый куст.

За неделю до описываемых событий

Капитан Серов, известный в узких кругах под прозвищем Волчара, скучал на диванчике в приемной генерала Паливоды, поглядывая с нетерпением на дверь кабинета с отполированной до блеска табличкой. Никак ему не удавалось избавиться от чувства неудобства, так как он знал наверняка, что за этой дверью говорили о нем, мусолили его личное дело, рассматривали его без прикрас, как инфузорию под микроскопом, решая его дальнейшую судьбу. Как ни странно, но Серова впервые волновало то, что именно происходит за такими вот дверями и каково будет решение. Просто раньше он знал наперед, что его бессменный командир подполковник Мороз (естественно, все, не договариваясь, называли его Дедом Морозом) будет горой стоять за своих.

Теперь же Дед лежал на ортопедической койке, в гипсе и с пробитым черепом, лишь иногда приходя в сознание. И заработал он себе такое счастье не на боевом задании, а просто пошел за хлебом. Магазин метрах в тридцати от его подъезда, нужно только через дорогу перейти – зебра, и светофор исправно подмигивает, да только некоторым на светофор плевать. Вылетела из-за угла иномарка и на всей скорости снесла боевого офицера, будто бомба подвального. Водитель оказался сосунком-мажором, да еще под кайфом. Сам-то он и не заметил, что человека сбил. Машина почти сразу врезалась в дерево, он попытался выйти, да так и выпал на землю, и задремал, распустив слюни.

Сейчас капитан Серов оставался за старшего в группе, но не чаял он таким путем выбиться в командиры. Да и ребята хоть и помоложе его, но зубастые, все как на подбор, и если он в чем-то превосходил их, так только в опыте и в том, что служил под началом Деда с младых ногтей.

«А вдруг назначат какого-нибудь чужака?»

Спецназ такого уровня создается долгие годы и тренируется, группы подбираются боец к бойцу, притираются, сплачиваются, превращаются в один универсальный организм. А разрушить работу многих лет можно одним росчерком пера.

Между тем в кабинете действительно шла беседа о Серове и его группе, но вовсе не в таком ключе, как представлял себе Волчара.

– Ты же сам понимаешь, что ребята профи. Не пальцем деланные. Они все перетерпят, пережгут в себе и на задании отработают, как надо, – говорил Паливода своему собеседнику, отхлебывая горячий чай из массивной фарфоровой кружки. – Люблю, чтоб чай был крепким, горячим и чтоб его было много.

– Нет, Сергей Сергеевич, я ведь не невесту сватаю. Мол, стерпится-слубится. Как надо мне не подходит. Да и не я выбираю, а дело. Не сомневаюсь, что они лучшие, да только нервы у них сейчас невольно на взводе. Против химии не попрешь, и бог его знает, когда эта химия у них сработает. Я бы сам в таком состоянии на задание не пошел.

Они сидели в потайном алькове, святая святых генеральского кабинета, где Паливода любил обдумывать серьезные дела и принимать особо важных посетителей, которые зачастую входили не из приемной, а через черный ход, со двора. Генерал всякий раз удивлялся способности этого поджарого смуглолицего мужчины, совершенно не похожего на военного, так перевоплощаться до неузнаваемости, согласно требованию момента. Голубоглазый блондин от рождения, сейчас он был похож на выходца из каких-то южных стран: почему-то теперь ставшие карими глаза и черные волнистые волосы, зачесанные назад, придавали ему схожесть с колумбийскими мафиози средней руки, какими их показывают в многочисленных голливудских блокбастерах. Этот образ дополнял дорогой темный костюм из тонкого кашемира и черный джемпер, поверх которого висела увесистая золотая цепь. Последним штрихом в этом наряде был массивный платиновый перстень с большим черным камнем, красовавшийся на среднем пальце левой руки.

– Я вижу, ты, Эрнест,ходишь в образ. Обживаешь, так сказать, новую шкуру...

Глаза таинственного визави замерли, упершись пронзительным взглядом в лицо Паливоды, и он ответил довольно резко для беседы со старшим по крайней мере по возрасту.

– Не будем отвлекаться, Сергей Сергеевич... И кроме того, мы с вами договаривались, что мое настоящее имя никогда не будет произноситься даже в частной беседе.

– Да ладно тебе. – Генерал и бровью не повел, будто не заметил резкости собеседника. – Здесь лишних ушей нет и микрофонов тоже. Каждый день проверяю.

Они не встречались лет восемь, и Паливода давно потерял Эрнеста из виду. Теперь он даже не знал ничего ни о его звании, ни о его статусе. Если бы не возникшая в Эссекибо смута, то они могли никогда больше не увидеться. Ведь случайные встречи в его ведомстве были совершенно исключены.

– И тем не менее... – тон гостя снова стал спокойным и деловым, а лицо пустым и беспристрастным. – Вы знаете, что последнее слово будет за мной, и группу в таком состоянии я не приму. Придется нанимать головорезов где-нибудь в Никарагуа или Венесуэле.

Генерал поморщился. После того, как всплыло Эссекибо, он чувствовал себя абсолютно беспомощным. Вообще все это дело выглядело довольно странно. Судя по суете, возникшей в верхах, с этим пупком Латинской Америки были связаны какие-то важные государственные интересы. Секретность достигала такого уровня, что даже ему, генералу и вообще не последнему человеку в управлении, чего-то недоговаривали, изъяснялись обиняками, подменяя запретные слова многозначительной мимикой.

– Не кипятись. Э... Да... – генерал запнулся на полуслове. – Ну хорошо. Что ты предлагаешь?

– Решить вопрос по Морозу. Закрыть его раз и навсегда. Любой ценой. Что там со следствием?

– Следствие ведется в заказном направлении. Откуда-то появились свидетели того, что Мороз переходил улицу на красный свет. Экспертиза показывает, что он был в стельку пьян. А между тем выпил он, как говорит жена, всего рюмку коньяку. В общем, сводят к тому, что, мол, сам виноват...

– И вы не можете повлиять? Что, ваших генеральских возможностей не хватает, чтобы вправить кое-кому мозги?

– Эх, друг ты мой ситный. Потерял ты в своих границах нить реальности. Я всемогущ, но только на своей грядке, а вот деньги универсальны, и для них административного деления не существует... Но только не смотри на меня так. – Генерал открыл сейф, достал оттуда черную

папку с документами и положил перед гостем. – Мы тоже кое-что можем. Здесь все по Арчилу Камахидзе и его сыну Давиду. Почитай пока. А я пойду, пообедаю.

Генерал нажал кнопку вызова адъютанта и встал, показывая жестом, чтобы гость остался сидеть.

– Располагайся тут, как у себя дома. Сейчас придет Серов. Поговори с ним, может, что и выговоришь. Электрочайник, кофеварка, коньяк в буфете.

– Так вы даете «добро»?

– О чем это ты? Ты мне не подчиняешься. Мне приказали найти для тебя людей еще и со знанием языков. Дальше твоя задача – произвести реабилитацию и подготовку группы к автономной работе. Это все, что мне известно. Так что мое «добро» тебя интересовать не должно. Других людей у меня пока нет, а время поджимает. Так что бери этих и готовь на свое усмотрение. На этом все. – Генерал помедлил на пороге и добавил тихо: – Только смотри, ты ведь не в Мексике или Колумбии, так что по возможности обойдись без крови...

– Зайди, Серов, – сказал адъютант, не поднимая глаз от лежащей перед ним на столе амбарной книги внушительных размеров.

Лампочка на селекторе продолжала мигать, но майор так и не потрудился нажать на кнопку, чтобы погасить ее. «Что ж у него там такого интересного?» – подумал капитан, инстинктивно подтягиваясь на пороге генеральского кабинета.

– Здравствуй, Леша. – Паливода встретил его, стоя посреди кабинета, и протянул крепкую мужицкую руку. – Давно не виделись. Как у тебя дела?

– Все в порядке, товарищ генерал. Служим.

Паливода знал о его делах гораздо больше, чем он сам. Поэтому эта не свойственная генералу лирическая увертюра удивила Серова, и он внутренне напрягся в предчувствии неприятного продолжения разговора.

– Ну и ладненько. Тут с тобой поговорить хотят. Заходи в мой закуток. – Генерал указал на открытую в глубине кабинета дверь. – Заходи, заходи. Я дверку-то запру, а через полчаса приду, да выпущу вас, голубков сизокрылых.

«Так и есть, чужака сватают», – подумал Серов обреченно, стараясь собраться, чтобы не выдать своих эмоций.

В «чуланчике» было сумрачно. Настольная лампа установлена так, что освещала переднюю часть комнаты, а человек, сидевший в кресле, оставался в тени. В поле света попадала лишь кисть левой руки, на которой красовался огромных размеров перстень. «Это еще что за тайны зеленого помидора?» Серов в нерешительности остановился, ища глазами, куда бы присесть. Рука с перстнем поднялась и повернулась ладонью вверх в приглашающем жесте.

– Присаживайтесь на диванчик, майор. – Голос был глухой, безликий, будто компьютерный.

– Я пока капитан, – ответил Алексей, сразу же выбитый из колеи словом «майор».

Для присвоения очередного звания ему полагалось бы еще годик поболтаться в капитанах, но если незнакомец не ошибся, то неожиданное майорство означает только одно – повышение в должности. А должность на примете одна – место Деда Мороза.

– Не будем толочь воду в ступе. Генерал разрешил мне сообщить вам, что подписан приказ. Можете звездочки обмывать. – Незнакомец помедлил. – Ну и вопрос о руководстве группой также решен... Увы, вашему командиру в строй уже не вернуться. Так что принимайте команду. Я понимаю ваше состояние, но давайте обойдемся без лирики. Лучше командира для группы все равно не найти.

– Кто вы? Как мне вас называть? И почему прячетесь в темноте? – Серов решил скрыть свои эмоции за этими вопросами, которые, кстати, были вполне обоснованными. – Что здесь вообще происходит?

– Ну что ж, отвечу по порядку поступления вопросов. – Серову показалось, что он видит ухмылку на физиономии этой темной личности, прятавшейся от него в тени. – Называть меня можете как угодно. Давайте я буду для вас, ну, скажем, Виктором. Подойдет?

– Если вы так хотите, Виктор...

– В темноте я прячусь потому, что видеть мое лицо вам не обязательно. Почему? Сначала отвечу на четвертый вопрос – у нас происходят смотрины. У вас товар, я купец. Если вы мне не приглянетесь, то мы с вами никогда не увидимся. Если же я сочту, что вы мне подходите, то вы на меня еще насмотритесь.

– Вы хотите работать с нами?

– Нет, работаю я один. То, что умею делать я, у вас по разным причинам не получится. Но я не смогу выполнить свое задание без квалифицированной поддержки и прикрытия.

– Ну и как я вам? – Волчара вызывающе уставился в темноту за пятном света.

– Вы нервозны. Это плохо. Но при этом вы умеете себя контролировать – это хорошо. Причину ваших борений я знаю и хорошо вас понимаю. Но в таком состоянии вы для работы не годитесь.

– Но я профессионал. Эмоции мне никогда не мешали.

– Все зависит от серьезности задания. Ваша нервозность работает на уровне химии, и как бы вы ни хотели, но эти химические реакции в вашем организме не поддаются контролю. Мозг должен быть стерильно чист. Тогда работают только рефлексы, тогда профессионализму ничто не мешает. Тогда вы Паганини в своем деле.

– Почему же вы со мной говорите? – Серов не знал, радоваться ему или плакать.

С одной стороны, он соскучился по настоящему делу, а за лже-Виктором, похоже, было что-то стоящее. Иначе зачем ему так шифроваться? Но с другой стороны, он чувствовал себя виноватым перед ребятами за майорское звание и за командирскую должность. Было в этом что-то постыдное для него.

– Скажу вам то небольшое, что могу сказать. Предполагается заброска вашей группы в Латинскую Америку. Ваш испанский на каком уровне?

– О высоких материях поговорить не смогу, но на «откуда-куда-зачем» вполне хватит. Остальные знают только английский.

– Ну, на безрыбье... Так я продолжу. Предполагается, что в месте вашей заброски скоро будет очень жарко. Мы по разным причинам не можем явно повлиять на ситуацию, но повлиять нам на нее крайне необходимо, иначе сорвется очень серьезное многообещающее предприятие. Так что действовать придется хирургическим путем. Хирург вы, а я стану для вас чем-то вроде рентгена или УЗИ, или даже зонда. Скорее всего наше дальнейшее сотрудничество будет происходить заочно. Я даю вам вводные и снабжаю информацией, а вы решаете поставленные задачи по вашему усмотрению, но практически вслепую. Риск велик, помощи ждать неоткуда, так что готовность группы к автономной работе для меня крайне важна, а я ее пока не вижу.

– По-моему, серьезная работа и станет для нас лучшим лекарством.

– Э, нет! Я вас не в профилакторий приглашаю. Вылечиться нужно еще здесь. Потом будет поздно... Хотя у меня есть один рецепт, возможно, несколько неприятный, но надеюсь, он сможет вылечить всю группу сразу. Ну а если нет – то операция под угрозой.

– Я готов. О чем идет речь?

– Для начала ответьте мне на такой вопрос. Представьте, что у вас полностью развязаны руки. Что бы вы сделали в первую очередь для решения проблемы с наездом на вашего командира?

– Первым делом я придушил бы своими руками этого молокососа. А потом занялся бы следствием и адвокатами. Им давно пора яйца прищемить.

– Это вы верно говорите, только при чем же здесь подполковник Мороз? Ему ведь нужно совсем другое. Дорогие операции, возможно, за границей. Уход квалифицированный, реабилитации, тренажеры. А на это нужны деньги.

– К чему вы клоните?

– У мажора есть отец, а у папаши есть деньги, которые могут решить проблемы вашего командира. Вот вам пример химии в действии. Эмоции так загрязняют мозговую деятельность, что иногда ее почти не видно. Как в вашем случае.

– Так что же, вы предлагаете грабануть папашу? И в чем тут ваш интерес?

– Опять в молоко. Грабить офицеру не пристало, а вот убедить почтенного толстосума поступить по справедливости и финансировать лечение нашего коллеги я бы взялся. И интерес у меня простой. Хотите коньяку?

– Нет, не стоит.

– А я, пожалуй, выпью. – В темноте послышались характерные позвякивания и бульканье жидкости. – Эх! Уж больно коньячок у генерала хорош...

– Вы остановились на своем интересе, – нетерпеливо напомнил Алексей.

– Ах, да. Так вот об интересе. С Морозом я лично не знаком. Не пришлось. Но я ему должен. Долг этот из тех, которые очень трудно отдавать. Это не деньги, не вещи... Однажды случилось так, что в одной очень скользкой ситуации он нарушил приказ и пришел нам на выручку в тот момент, когда нам уже начали поджаривать задницы... Давно это было... Мы просто позвали, а он пришел на зов. Тогда Мороз еще командовал ротой десантников. Так вот сейчас у меня появилась возможность этот долг отдать. Здесь мои мотивы, надеюсь, понятны... А вторая часть моего интереса в том, чтобы посмотреть вашу группу в действии и смоделировать наше дальнейшее сотрудничество. Для реализации моего плана как раз понадобится ваша помощь. Мне нужно, чтобы вы мне обеспечили полчаса задушевного разговора с фигурантом. Заодно и познакомимся поближе.

– Но как же мы к нему подберемся? – нерешительно спросил Серов, но в голосе его явно прослушивалась нотка щенячьего восторга. – Оперативных данных у нас никаких, а времени, я так понимаю, в обрез.

– Понимаете правильно. И данных у нас нет. Однако у нас есть старшие товарищи, которые дали мне вот эту папочку. И у нас есть двадцать минут, чтобы прочитать ее по диагонали.

Первое знакомство

Как ни боялся Алексей некой отчужденности между ним и группой после оглашения новостей из генеральского кабинета, но ребята отнеслись с пониманием к его назначению и искренне его поздравили. Информацию о возможном задании восприняли с энтузиазмом, хотя и недоверчиво отнеслись к тому, что работать придется на какого-то «мутного» чужака.

– Но самое главное... – продолжал воодушевленный теплым приемом сослуживцев Волчара, соображая, как повычурнее преподнести последнюю новость о предстоящем боевом знакомстве. – Он хочет устроить нам смотрины в деле. Въедливый, как хлорка. Так что вы уж постарайтесь, братцы.

В ответ послышалось возмущенное многоголосье.

– Да еще неизвестно, кто кого должен экзаменовать!

– Мы ему нос утрем...

– За кого он нас держит, мы же не хала-бала, а МП!

Штатное название группы «Экспресс», родившееся в глубине бюрократического аппарата соответствующего подразделения генштаба, не очень понравилось его носителям, и как-то за пивом в сауне, сразу после первого задания под новым именем, решили придумать какое-нибудь название позакковыристее, так сказать, для внутреннего пользования. Так, среди шуток и анекдотов, родилось название Москва – Петушки, позже зашифрованное в таинственное МП.

– Так какое все-таки задание?

– Ша, парни. А теперь слушайте все сюда. Задание действительно важное, и в первую очередь для нас самих, поэтому работать будем не за страх, а за совесть. Дело будет серьезное...

Пока он говорил, в комнате царило напряженное молчание, которое надолго затянулось после того, как было сказано последнее слово. Все сидели обескураженные и восхищенные простотой и изящностью идеи и, самое главное, реальной возможностью помочь Деду, которая еще утром казалась несбыточным бредом.

– И нам что, действительно разрешат это сделать? – спросил Шатун со скептически-унылым выражением на лице. – Что-то верится с трудом.

– Какое нам дело, разрешат нам или нет. Генерал сказал, что сам он умывает руки, а мы поступаем в полное подчинение Виктора. Зачем же нам париться разрешениями и запретами? Начальник сказал – тренировочное задание с элементами реального рукопашного боя.

– Ну а звание, должность, фамилия у этого Виктора есть? На кого валить-то будем?

– Валить ни на кого не будем – четко и вразумительно отработаем задание и тщательно подчистим за собой. Детали сегодня вечером озвучит сам Виктор.

Голос Серова звучал теперь уверенно, и он уже чувствовал себя командиром подразделения. «А ведь угадал ты, Витя-Витек! Лекарство начало работать еще до того, как его приняли...»

Они собрались в конторе какого-то пустого склада на окраине города, находящегося тем не менее в приличном состоянии и, как было видно, под чьим-то присмотром. Сам Виктор опять сел таким образом, что ему было видно всех, а остальным только очертание его фигуры.

– Располагайтесь. Времени у нас в обрез, поэтому спрашиваем мало, запоминаем быстро и соображаем рационально. Для вас меня зовут Виктор. На время нашего сотрудничества у вас нет ни званий, ни имен, а есть только клички. Будем общаться как урки. Старые ваши прозвища забудьте до следующей жизни, то есть без меня. До завтра вы должны полностью свыкнуться с ними, выработать в себе рефлекс на новое имя. Все клички имеют что-то общее с вашей индивидуальностью, но звучат на импортный манер. Почему – сами поймете позже.

Говорил Виктор четко и уверенно и был немногословен, выдавая концентрированный экстракт сути дела.

– Операция очень тонкая. Нужно сработать максимально угрожающе и убедительно, при минимальных повреждениях шкуры клиентов. Вернее, шкуру можно портить, можно поломать ребра или пальцы, вывихнуть что-нибудь, но без риска для жизни. Однако при этом клиент должен будет в буквальном смысле обделаться от страха. Материальную базу и планирование я беру на себя. От вас нужно только четкое исполнение. Сейчас я изложу вам детальный сценарий завтрашней пьесы, а вы мотайте на ус, потому что отыграть ее мы должны будем сразу начисто без репетиций. Главное, что в наших действиях не должно быть ни малейшего намека на спецназ. Просто хорошо организованная мафиозная команда. Об этом я позабочусь.

Проще всего было взять под белы ручки бухгалтера фирмы Камахидзе, который ездил с единственным водителем-охранником. Михаил Львович Земский был перестраховщиком и требовал от водителя того же. Поэтому тот без колебания остановился по сигналу офицера ГИБДД, указавшего ему жезлом на обочину. Дальше все произошло так стремительно и неожиданно, что требуемый Виктором эффект был достигнут без особого напряжения. Михаил Львович с ужасом наблюдал, как сами полицейские выволокли водителя из машины, ударом в челюсть уложили его на землю и потом в упор расстреляли из двух стволов. Эта сцена настолько потрясла его, что, когда его вслед за водителем вытащили наружу и стали заталкивать в багажник собственной машины, он исправно обмочил штаны и не умер от инфаркта только благодаря успокоительному, незаметно вколотому в момент утрамбовывания рыхлого бухгалтерского тела в багажник. Разумеется, Земский не знал, что в нокаутированного охранника стреляли из травматического пистолета, поэтому, когда он пробудился от наркотического сна, картина гибели Реваза первым делом всплыла в его мозгу и снова повергла в смятение, а неприятный холодок от мокрых штанов добавил к этому чувство пронзительного стыда за свою слабость.

Взять юного отпрыска Камахидзе было значительно сложнее. Кроме того, следовало отвезти его на склад и вытянуть у него перед видеокамерой как можно больше компромата на себя самого, чтобы было чем дополнительно прижать папашу. Салага кружил по городу на своем «мерсе», набитом обкуренными малолетками, очевидно, в поисках дозы дури. Согласно папке генерала Паливоды, заботливый отец через свои контакты предупредил всех более-менее серьезных дилеров, что продавший Давиду наркотики будет иметь дело с ним лично. Мораторий на обслуживание Давида Камахидзе пока работал почти без сбоев. Видимо, многие еще помнили его отца версии 96 года и не решались трогать хоть и разжиревшего и обленившегося, но все же опасного и непредсказуемого зверя.

Пришлось подбросить парню живца. Выбор пал на Джэка – самого молодого из группы и самого продвинутого в области молодежной субкультуры. Кличка Валет прилипла к нему после того, как Дед однажды похвалил его за сноровку во время одной непростой операции, но потом добавил: «Ты, Саня, конечно, козырный, но пока только валет». Простой перевод на английский, сделанный находчивым Виктором, превратил его в Джэка, за что Саня остался ему благодарен, так как своим прозвищем он уже давно тяготился.

Выбрав момент, когда ватага причалила к одному из кафе, чтобы промочить горло, Джэк зашел за ними. Он заказал коньяк, подсел поближе и стал строить глазки одной из девушек, на которую явно уже положил глаз Давид. Молодуха, судя по всему, была сторонницей свободной любви и вполне определенно запала на Джэка, который явно выглядел мужественнее рыхлого Давида. Окончательно ее выбор остановился на Джэке, когда тот достал пухлый бумажник и, расплачиваясь с официантом, как бы случайно показал его содержимое. Девушка тут же под села к Джэку под предлогом того, чтобы прикурить сигарету, и начала напропалую кокетничать с ним. Для ускорения событий Джэк приобнял свою новую знакомую за плечи и начал вкрадчиво

нашептывать ей что-то на ухо. Нервно косивший в их сторону налитым кровью глазом Камахидзе наконец не выдержал. Он решительно подошел к Джэку, схватил его за рукав куртки и, нервно дернув, сказал:

– А ну пойдем, выйдем.

Дело было сделано. Джэк аккуратно стряхнул руку, державшую куртку, встал и подозвал официанта.

– Давай-ка, любезный, налей что-нибудь молодежи, чтобы ребята не скучали, пока мы поговорим на воздухе. – Он сказал это громко, чтобы компания хорошо расслышала его слова, демонстративно вручил официанту пятитысячную купюру и подмигнул своей новой знакомой. – Подожди меня, крошка, мы сейчас вернемся.

Пять косарей сработали, как и ожидалось – привставшие было двое парней из компании клиента, услышав о халявной выпивке, тут же снова сели, забыв о Давиде.

– Ты чего хочешь? Иди по своим делам и не нарывайся, – начал свою лебединую песню молодой пижон, для вящей убедительности доставая из кармана травматический «Дабл Игл» производства прошлого века.

– Спрячь волыну, – оборвал его Джэк. – Не дразни характер. Лучше поговорим по-деловому. Мочалка что, твоя невеста?

– Нет, но сегодня она со мной и...

– Да не парься ты. Отдай ее мне, а я подгоню колес на всю бригаду. Понимаешь, запал я на нее, да и она вроде не против. А я не люблю себе ни в чем отказывать. Махнем не глядя. А? Гешефт выгодный. Не прогадаешь.

– А что есть? – Клиент не просто клюнул, но и мгновенно заглотил наживку, осталось только выманить его на улицу.

– Есть соли на выбор. Немного снежка, ну и покурить всегда найдется. Ты на тачке, давай быстро туда и обратно. Тут минуты три езды. Годится?

Тень недоверчивости пробежала по лицу Давида, но первые признаки ломки уже давали о себе знать, и он, оглянувшись в зал, где сидела компания, махнул рукой.

– Хорошо. Погнали! Только одна нога здесь, другая там, – сказал он, облизнув губы, и достал ключи от «мерина».

Поимка старшего Камахидзе, хотя и заняла совсем немного времени, была более опасной и трудоемкой. Арчил не выходил на люди без своих двух телохранителей, его дальних родственников, которые остались живы в мясорубке девяностых и были преданы хозяину как вымуштрованные сторожевые псы. С такими не забалуешь. Их нужно было выключать сразу, не давая добраться до спрятанных под пиджаками стволов. Водитель был тоже не из балетной студии, так что и его нельзя было обделить вниманием. Ввиду особой важности этого захвата Волчара, с легкой руки Виктора превратившийся в Лобо, пошел на операцию сам и взял с собой еще четверых. Сложность заключалась еще и в том, что этих волкодавов нужно оставлять в живых. Серов понимал, что перелом шейных позвонков или отравление угарным газом нельзя протолкнуть как формальное «обойтись без крови». После посещения Деда в больнице руки, конечно, чесались. Но Виктор пообещал генералу обойтись без крови и трактовал это обещание именно так, как этого хотел Паливода, – без двухсотых. Так что приходилось напрягать все извилины, чтобы придумать, как полонить матерого медведя, не прибегая ни к рогатине, ни, на худой конец, к топору или ножичку. Приходилось импровизировать втемную, наперед не зная всех вводных.

Брать Арчила решили у любовницы, к которой он ездил строго по расписанию, три раза в неделю, как на физиотерапевтические процедуры. Конечно, связываться с женщиной не хотелось, да и дом, в котором она жила, непростой – это была закрытая резиденция с охраной у ворот, камерами слежения и консьержем в вестибюле. Разумеется, все преодолимо, но сроки

не позволяли тщательно подготовиться, а невозможность применения собственной техники вынуждала фонтанировать идеями.

Решение нашел король информации и информатики Мудрый Каа, которого звали то Мудрый, то Каа. Теперь его должны были с подачи Виктора звать просто Вайс (что как раз и означает по-английски – мудрый). Вайсу тоже понравилось его новое прозвище, и, раздувшись от важности, он так отчаянно налег на свой компьютер, что очень скоро выудил из поисковиков очень полезную информацию. Оказалось, что в этом доме целых три квартиры сдавались на короткий срок и даже почасово, правда, за очень приличные деньги. Обычно их снимали сбитые холостяцкие группы по интересам для далеко не чинных симпозиумов в компании жриц любви.

Особенной удачей оказалось то, что одна из таких квартир находилась этажом выше квартиры, снимаемой Арчилом для своей любовницы, а то, что она была свободна, казалось вообще чудом. За ключами Виктор съездил сам, так как не хотел светить никого из группы, а опознание своей личности он считал делом бессмысленным, так как менял ее очень часто. Теперь в дом можно было не только войти, но и загнать во двор машину, что вообще являлось подарком судьбы.

Приближалось время прибытия главного героя будущей трагикомедии. Серов и его команда, исправно изображая пьяных, немного побродили по зданию, суя свой нос во все закоулки. Их любопытство было вскоре вознаграждено. Оказалось, что в доме имелся еще грузовой лифт, двери которого выходили во двор, и к ним можно было вплотную подъехать на машине. Это значительно облегчало задачу последующего «выноса тела».

«Майбах» Арчила подъехал, как и говорилось в генеральской папочке, строго в 18.55. Один из охранников поднялся первым, открыл дверь квартиры своим ключом, пробыл там пару минут и, взбежав по лестнице на один пролет, сообщил по рации, что все чисто. Камахидзе покинул машину в сопровождении охранника, не здороваясь с консьержем, пересек вестибюль и вошел в лифт. В это время вывалившиеся на площадку двое пьяных привязались к стоявшему на посту телохранителю, требуя у него зажигалку и приглашая к себе на рюмку коньяку. Когда родственник Арчила попытался достать рацию, ему тотчас врезали по болевым точкам и уже без сознания затащили в съемную квартиру. Тут же четверо сбежали по лестнице и заняли позиции у дверей лифта, который сразу и подоспел без единой секунды промедления. Однако в тот самый момент, когда двери лифта начали открываться, на пороге своей квартиры появилась томная блондинка в полупрозрачном пеньюаре. Немая сцена продолжалась доли секунды. Обескураженная присутствием у ее дверей четырех крепких мужиков, прошедших явно не с дружественными целями, блондинка отпрянула внутрь прихожей и попыталась закрыть дверь. Шатун, оказавшийся ближе всех к молодежи, метнулся к ней, не ожидая команды, и успел зажать ей рот, закрыв ногой входную дверь. Тем не менее появление подруги Арчила отвлекло на мгновение засаду и дало выходившему первым телохранителю выхватить пистолет. Однако резкий удар ребром ладони по запястью выбил оружие, но оно не упало с грохотом на пол, а тут же было подхвачено чьей-то заботливой рукой, поставлено на предохранитель и спрятано в карман. Выдернутый из лифта охранник тут же получил точный удар в шею и упал без сознания. Арчил с некоторых пор перестал носить оружие и теперь, жалея об этом, отмахнулся от тянущихся к нему рук и стал импульсивно нажимать все кнопки на панели лифта. Вернее, он только успел подумать об этом, как тут же попал в стальные объятия двух дюжих молодцов и был перенесен в квартиру «пьяных» холостяков, где его соответствующим образом зафиксировали и бросили на кровать в темной комнате с тошнотворным кляпом во рту.

После тщательной рекогносцировки накачанных снотворным телохранителей перенесли в квартиру блондинки, которая к тому времени уже видела чудесные сны после укола довольно мягкого, но очень действенного транквилизатора. Такая же участь была уготована водителю.

Его подкараулили у машины, когда он решил покурить. Хозяин никому не разрешал курить в «Майбахе», поэтому бедолаге пришлось выйти на свежий воздух, где его тут же вырубили. Но этого уложили на заднем сиденье автомобиля, чтобы не светиться. Потом приступили к самой главной части операции – выносу тела. Для этого были заранее заготовлены ящики с пустыми бутылками. Портье, смотревший по портативному телевизору футбол, без лишних слов принял объяснения о том, что нужно поднять в квартиру море выпивки. Скептически оглядев позвякивающие коробки, он открыл грузовой лифт и вернулся за свой стол в вестибюле.

Место для решающего разговора обставили надлежащим требованием момента образом. Просторное помещение склада с высоким потолком было почти полностью погружено во мрак. Свет установлен так, что сидевший на стуле пленник оказался почти ослеплен и не видел ничего вокруг себя, кроме чуть подсвеченного пятка перед ним, на краю которого можно было с трудом различить очертания изящной фигуры человека, сидящего в кресле напротив. Человек курил длинную гаванскую сигару и лениво перелистывал какие-то бумаги, лежавшие перед ним на журнальном столике. Тут же стояла початая бутылка бренди и пузатый коньячный фужер, наполненный темной жидкостью. Человек в черном в полном молчании то и дело выпускал облака серого дыма, скрывавшего и без того плохо различимое лицо, и прикладывался к бокалу.

– Хороший коньяк нужно пить под хорошую сигару, не правда ли, Арчил? – Голос Виктора гулко отдавался коротким эхом в пустоте помещения, отчего он приобретал какие-то особые интонации. – Ты ведь уже научился разбираться в таких вещах?

– Что тебе надо, шакал! – прорычал в ответ взбешенный Арчил, брызжа слюной. – Завтра вас всех перережут, как вонючих свиней, и выбросят...

Последние слова Камахидзе остались произнесенными из-за звонкой оплеухи, которую отпустил ему новоиспеченный Лобо (так Виктор назвал Волчару, так как Лобо по-испански значит волк). По согласованному с Виктором сценарию нужно было сбить спесь с клиента, привить ему рефлекс на то, что неадекватное поведение обернется болью и унижением. Хотя Алексей всего лишь шлепнул открытой ладонью, удар получился настолько сильным, что Арчил слетел со стула и больно грохнулся на бетонный пол. Его тут же бесцеремонно подняли и снова усадили на стул.

– Охолонул немного, дорогой? – спросил его Виктор как ни в чем не бывало. – Не старайся казаться тупее, чем ты есть на самом деле. Побереги свое время, а то, может быть, у тебя его осталось не так много. И не стоит лаять, как дворняга. Давай поговорим, как люди.

– Да что с тобой говорить! Смелый ты, я вижу, когда у меня руки связаны. Да еще два быка за спиной. Не можешь говорить, как настоящий мужчина!

Арчил произнес это не так громко, но все же было видно, что он до сих пор не понял, в какой ситуации оказался, и не может сладить со своим темпераментом. Поэтому ему тут же отвесили леща, но теперь уже с другой стороны. У Шатуна (который стал теперь Пистоном) удар получился еще более впечатляющим. Арчил буквально взлетел в воздух и завис там на мгновение перед неминуемым падением, которое могло быть очень болезненным, не смягчи его стоявший с другого боку Серов. Снова усаженный на стул Арчил наконец-то начал приходить в себя, но теперь, похоже, он по-настоящему испугался. Лицевые мышцы как-то сразу расслабились, и холеное высокомерное лицо враз превратилось в одутловатую серую маску.

– Вот и хорошо, Арчил. Не заставляй нас делать неприятные вещи. Пойми, твои руки связаны, потому что они враги твоей голове. Попробайся ты говорить со мной, как ты выражаешься, как мужчина с женщиной, я бы в несколько секунд выбил из тебя всю спесь и заставил ползать передо мной на коленях. А так я просто помогаю тебе сохранить хотя бы видимость какого-то достоинства, чтобы мы смогли говорить на равных... Так ты готов слушать? Или тебе нравится быть Ванькой-встанькой?

– Хорошо, говори. Зачем тебе я?

– Ты знаешь, что твой сын сбил человека?

– Ты что, из-за этой чепухи все это затеял?

– Эта чепуха будет стоить тебе очень дорого. Поверь мне. Значит, он сбил пешехода, ты сделал все, чтобы снять с него обвинение, а изуродованного полумертвого человека смешать с грязью. Это, наверно, с твоей точки зрения, по-мужски. Да?

– Зачем эти гнилые предьявы? Он мой сын, и если надо будет, я десяток таких фраеров положу, чтобы его вытащить. Это понятно?

– Понятно. Только косяк вышел. Этот человек не фраер. Пусть у него нет денег, но у него много друзей, которые ему обязаны по гроб жизни. Он их друг, настоящий друг, и чтобы вытащить его, они готовы и могут, как ты заметил, положить десяток таких вот крутых. Это тебе понятно? Ты их обидел своим высокомерным презрением, и теперь ты должен ответить.

– Но ты же понимаешь, кто я и кто он? Со мной так нельзя! – Голос Арчила дрожал, но он все еще думал, что это какая-то дурацкая игра, которая вот-вот прекратится.

– Кто это тебе сказал, что нельзя? Ты ведь убивал и приказывал убивать людей из-за любой мелочи. Бабушек травил, чтобы заполучить их квартиры. Почему же с тобой так нельзя? Кто ты такой, что с тобой так нельзя? Ты ведь не ангел, а простой смертный из плоти и крови, и эту кровь можно выпустить в любой момент. Твое существование само по себе уже ошибка Господа Бога. И ее давно пора исправить.

– Почему же ты не пристрелишь меня сейчас?

– А кто тебе сказал, что ты заслуживаешь быть пристреленным или зарезанным? Ты ведь не убивал нашего друга. Ты родил сына и вырастил его полным уродом. Мстить ему было бы глупо, потому что он сам себя наказал. Он ведь конченный наркоман, и убить его – это значит лишиться той расплаты, которую он заслужил. Нет, я сделаю все по справедливости. Твой сын – это твой косяк. За него отвечать тебе. Вот у меня диагноз. Так, перелом восьми ребер... обе голени... множественный перелом левого бедра... разрыв кишечника... открытая черепно-мозговая травма. – Виктор загибал пальцы на левой руке, считая травмы, но потом брезгливо всплеснул руками, будто пытаясь стряхнуть с них какую-то грязь. – Тут еще два десятка пунктов, пальцев все равно не хватит. Весь этот список травм скоро будет твоим диагнозом. Я сломаю тебе каждую косточку, но не сразу, а постепенно. И без наркоза. Это будет справедливо. Если ты и выживешь, то окажешься в реанимации и навсегда останешься инвалидом. Сын твой без присмотра быстро загнется или сядет, хотя на зоне он тоже долго не протянет. Хозяйство твое растащат твои же прихлебатели и компаньоны, а я им помогу. Кроме того, я сделаю так, что твоя семья потеряет все и будет страдать так, как семья нашего друга. По-моему, это будет справедливо. Тебе не кажется?

Арчил молчал, глядя куда-то сквозь Виктора, видимо, пытаясь представить нарисованную последним картину своего возможного будущего.

– Отвечай, Арчил. Я не люблю долго ждать. Тряхните-ка его там.

– Не надо. – Камахидзе поднял стянутые пластиковым хомутом руки. – Есть еще варианты?

– Вот это уже разговор. Только сначала ответь на мой вопрос.

– Да. Это справедливо, – выдавил из себя Арчил.

– Надеюсь, ты так действительно думаешь. – Виктор подлил в бокал коньяку и расслабленно отвалился на спинку кресла. – Только смотри, тебе не удастся потянуть время или обмануть меня. На слово я тебе не поверю, поэтому все наши дела должны быть закончены здесь и сейчас. У нас осталось двадцать минут.

– Что ты хочешь?

– Не я, а наш друг. Когда он приходит в сознание, он, наверно, хочет, чтобы этот кошмар поскорее закончился. Ты должен оплатить ему ущерб и лечение по самому высокому стандарту. Десяти миллионов евро должно хватить.

– Я не смогу найти такие деньги за двадцать минут. Да и это многовато.

– Мы не на базаре, Арчил. Десять сейчас, а еще попытаешься торговаться, будет двадцать. Я просто хочу быть справедливым. А насчет денег не беспокойся. Твой бухгалтер здесь, он тебе поможет их найти. У него и компьютер с собой, и вай-фай найдется. Ну а чтобы было не скучно, мы тебе можем привести сынулю. Он тоже здесь. У него, похоже, ломка начинается, так что будет весело, пока он совсем не откинется. Он, кстати, тут нам напел с три короба. Себе на десятку и всем дилерам, с которыми он пересекался. Мы это все на видео засняли, так что если не менты, то его бывшие кореша заинтересуются. Яблочко от яблоньки не далеко падает. Я тут пока рыл на тебя материалаец, много интересного узнал. Оказывается, ты с девяносто восьмого года на подсосе у ФСБ. Поэтому тебя и не тронули. Скольких ты тогда сдал? И еще положил кое-кого по заказу. С такой характеристикой тебе долго не прожить. Ведь половина из твоих крестников еще живы.

– Хорошо, давайте бухгалтера. Я переведу, только...

– Без только. Просто переведешь и поедешь домой. Правда, ненадолго. Я сказал о компенсации и лечении. Но ты еще должен быть наказан. Даю тебе неделю на сворачивание дел и сборы. Потом все материалы о твоей подпольной работе и видео с твоим отпрыском пойдут по назначению. Уедешь, успеешь спрятаться – значит повезло. А на нет и суда нет.

– Но ты же обещал...

– Я ничего тебе не обещал. Тем более первый вариант еще в силе. Ты говоришь «нет», и завтра тебя отсюда везут в травму, а твоего сыночка в КПЗ. Деньги для моего друга я и без тебя выкручу. Тебе лучше знать, как это делается. Второй вариант более человечный, щадящий, так сказать. Можно просто представить себе картинку, вместо того чтобы участвовать в ней в качестве главного персонажа. Да и мне хлопот меньше. Я ведь не мясник, хотя грязной работы никогда не чурался. Давайте сюда этого зассанца-бухгалтера!

Новые флибустьеры

Сидя в припортовом баре в чахлом городишке Карупано на востоке Венесуэлы, Серов-Лобо прокручивал в памяти последнюю неделю своего пребывания дома, начиная с вызова к генералу и странного знакомства с человеком без лица Виктором и заканчивая перелетом Москва – Мадрид – Каракас – Карупано. Слишком много событий уместилось в этот короткий отрезок времени – гораздо больше, чем за предыдущие четыре месяца прозябания на тренировочной базе. Прошли первые возбужденно-восторженные эмоции после удачно закончившейся операции по изъятию компенсации у семейки Камахидзе, и теперь все виделось более четко и осознанно, так что можно было разобраться во всем, проанализировать и сопоставить действия группы и клиентов. Виктор стоял особняком, и к нему так и не удалось найти никаких ключиков. Общались они несколько дней, в основном проходя ликбез по Эссекибо, но Виктора он даже не смог толком рассмотреть, не то что составить о нем какое-то впечатление. В принципе, не стал бы Алексей морочить себе голову, если бы не финал этой истории с Арчилом, о котором он узнал случайно незадолго до вылета из Москвы. В аэропорту в баре он заглянул в газету, оставленную кем-то на столе, и натолкнулся на статью о Камахидзе под заголовком «Жизнь и смерть непотопляемого Арчила». Там рассказывалось о тернистом пути известного авторитета девяностых от фарцовки и валютных операций при коммунистах до легализации выстроенной в середине девяностых бандитской империи в благообразную финансово-промышленную группу. Особенно подчеркивалось, что грозный авторитет и изворотливый бизнесмен, прошедший огонь и воду, умер от банального сердечного приступа прямо у себя в кабинете. Согласно данным газеты, это произошло через три дня после их «тренировочной» операции.

В принципе, ничего странного в сердечной недостаточности нет, тем более что человек пережил тяжелый стресс. Не стоило на этом заострять внимание, если бы не разговор с Виктором, произошедший на следующий день.

– А что, если этот крокодил захочет отомстить? – спросил его тогда Алексей. – Нас он вряд ли найдет, а вот Деда и его семью запросто.

– Не беспокойся, – ответил Виктор с показавшимся притворным безразличием. – Скоро ему будет точно не до мести.

Что он имел в виду? Может, обещанное разоблачение, которое казалось Алексею сомнительным, так как все материалы остались в генеральской папке, и предъявлять было, собственно, нечего. А может быть, дело в инъекции, которую сделали Арчилу. Она подействовала не так, как на остальных – не вырубил сразу, а лишь слегка погасила сознание на каких-то полчаса. «Может, там было еще что-то? Иначе откуда у Виктора была такая уверенность в том, что Арчил безобиден? Не похож он на человека, верящего в чужие обещания и тем более поворачивающегося спиной к раненому хищнику...»

– Лобо, нам пора. Посудина уже у причала, – прошептал ему на ухо Джэк, материализовавшийся из густого сигарного дыма, тянущегося рваными серыми лоскутами к открытому окну. – Ребята все уже подтянулись. Ждем тебя.

– Пошли. – Серов резко встал, отгоняя от себя совершенно ненужные в сложившейся ситуации мысли и сомнения. «Одним бандюком больше, одним меньше. Все побоку! Работать пора!»

Старенькая, но еще крепкая моторная яхта резво шла по слегка тронутой слабым бризом голубой поверхности воды, искрящейся мириадами солнечных зайчиков. Жара стояла невыносимая, но тренированный организм будто не замечал ее, и лишь темные пятна пота на рубашке указывали на то, что какие-то внутренние реакции все-таки в нем происходят. Говорили мало

и только на английском. Это было жесткое требование Виктора, и хотя на яхте он отсутствовал, но все вели себя так, будто он все время находился рядом. Согласно легенде, они сербские наемники, которых послали в сельву Эссекибо, чтобы найти и вывезти из страны отпрыска одного итальянского олигарха, который приехал сюда со своей подружкой незадолго до переворота. Молодые люди были приверженцами экстремального туризма и, похоже, нашли то, что искали. Из агентурных источников было совершенно точно известно, что парочки уже нет в живых, оба утонули, сплавляясь на плоту по бурной реке, поэтому разыгрывать следопытов можно совершенно безбоязненно, не рискуя действительно встретить непутевых туристов. Для поддержания легенды о сербах всем сделали соответствующие татуировки, которые через месяц должны были исчезнуть.

Экипаж яхты, состоявший из двух колумбийцев, капитана и механика, тоже не был расположен к праздным разговорам. Между собой они иногда перекидывались фразами по-испански, но так, что ничего разобрать было нельзя. Из группы с ними общался только Серов. Своего знания испанского языка он не выдавал, и говорили на довольно сносном английском, но только на темы текущего момента: «где взять воду, сколько осталось до места, где туалет».

– Эти двое похожи скорее на контрабандистов, чем на разведчиков, – сказал Вайс, подсаживаясь к Алексею. – И яхта у них, судя по всему, бывала в передрягах. Я тут нашел на рубке слегка зашпаклеванные и закрашенные следы от пуль. Еще свежие. Кто-то полоснул из пулемета.

– А кто тебе сказал, что они разведчики? Контрабандисты и есть. И мы для них как раз сербские наемники. Помнишь, что говорил Виктор? Здесь жизнь так устроена, что если ты ни в чем не замазан, то ты вроде бы и не существуешь. По-видимому, Виктор себя здесь хорошо зарекомендовал. Его, наверно, считают каким-нибудь крутым мафиози.

– Да он и похож.

– Ладно. Хватит болтать. Видишь, этот инка все время на нас косит глаз. – Алексей повернулся к капитану и спросил по-английски: – Скоро точка высадки?

– Три часа. – Колумбиец продублировал свои слова тремя поднятыми пальцами. – Готовьте катера и багаж.

Когда солнце коснулось краем горизонта, они подошли к группе островков, издали походивших на замшелые кочки. Уже надутые резиновые катера были готовы к спуску. Рядом лежала куча рюкзаков и ящиков в брезентовых чехлах. Тут капитан что-то залепетал на своем птичьим языке своему камараду, и тот пулей исчез в машинном отделении, но вскоре вернулся, неся ручной пулемет и АК-74 с подствольником. Сложив свой арсенал на мостике, он знаком показал Серову подтащить первый катер к лебедке, чтобы спустить его на воду.

– Что случилось? – спросил его Алексей. – У нас проблемы?

– На локаторе появилась засветка. Десять миль. Судя по скорости, это сторожевой катер. Он будет здесь через двадцать минут. Поторопитесь. Босс передал, что вы должны найти самолет. Инструкции и карты он вам выслал.

Оба «Зодиака» синхронно заложили крутой вираж и на рискованно высокой скорости влетели в быстро сужающуюся протоку, вьющуюся змейкой среди мангровых зарослей. Это было сделано в тот самый момент, когда из-за соседнего острова выползла хищная тень сторожевика. Все свое внимание он пока сосредоточил на резво удаляющейся яхте, однако вскоре, поняв, что запас скорости у той значительно больше, капитан приказал прекратить преследование, на всякий случай пальнув ей вдогонку из автоматической пушки. Потом катер развернулся и направился прямо в сторону протоки, где скрылись две другие цели, засеченные локатором.

– Внимание, всем рассредоточиться! – скомандовал Серов в тот самый момент, когда на катере вспыхнул прожектор и начал прощупывать слепящим лучом береговую линию. – Он нас засек. Теперь не отвяжется. Может пальнуть.

В подтверждение его слов со стороны моря дробно громынуло, и длинная очередь впи-лась в переплетение мангровых ветвей, выкосив небольшой участок вокруг устья протоки. Затем катер заглушил основной двигатель и лег в дрейф менее чем в полумиле от берега. Выждав полчаса, Серов взял с собой Лаки (в прошлом Везуна) и подобрался к самому краю зарослей, чтобы рассмотреть сторожевик в бинокль. Очевидно, на катере решили никуда не двигаться, а взять нарушителей измором. Об этом можно было судить по натянутой якорной цепи – видимо, на отмели возле островов сильное течение, поэтому, чтобы не подрабатывать двигателем каждые пять минут, решили бросить якорь. Оценив ситуацию, Серов дал команду группе собраться в протоке на связанных вместе катерах для экстренного совещания.

– В общем, они нас заперли намертво. Вайс, что с твоей техникой? Нам нужно найти самолет. Подробности в сообщении от Виктора.

– Все проверил. Связь есть, батареи заряжены. Вот сообщение.

Серов подсел к Вайсу и внимательно ознакомился с содержимым посылки. Из нее он узнал об аварии посольского самолета и положении в стране. Сообщение было подробным, с картами, спутниковыми снимками и инструкциями из Москвы.

– Нам нужно срочно добраться на другой конец архипелага, где упал наш самолет. Наша задача оказать помощь людям, и главное – найти чемоданчик геологов. Но для этого нужно выбраться отсюда. Сторожевик стал на якорь, обосновался прочно. По моим прикидкам, там от восьми до двенадцати человек. Так что сунуться сюда они вряд ли решатся. Будут ждать, пока мы тут не начнем умирать от жажды, если не надоест. Но времени у нас нет. Все нужно решить сегодня ночью. У кого есть соображения? Говори, Хук.

– Вся их сила в стрельбе с дистанции. В ближнем бою они лягут. Если мы подплывем на расстояние выстрела, Франк перещелкает всех на палубе. А потом возьмем на бордаж и передущим их в кубриках.

– Что скажешь, Франк? Сможешь стрелять с воды?

– На тренировке выбивал 90 из ста. Все зависит от расстояния и качки. При такой погоде с пятидесяти метров можно попробовать и в голову. А вообще в корпус разрывной пули вполне достаточно.

– Хорошо. Световое пятно вокруг катера метров тридцать. Для уверенности Дюк и Джэк подстрахуют тебя с другого борта. Вайс и Лаки останутся при лодках. Остальные пойдут под водой...

Минимальный набор снаряжения, переданный колумбийцами, был рассчитан только на высадку и решении тактических задач для быстрого закрепления на берегу и превращения, согласно легенде, в вооруженных до зубов наемников. На последнем инструктаже Виктор ска-зал: «Мы будем работать в стране, где идет гражданская война. Сами представляете, какая масса оружия сейчас находится в руках революционных лохов, бандитов и проходимцев всех мастей. Наша задача – просто поднимать то, что лежит под ногами. Наряду со старьем много нового оружия со всего мира, так что, вооружившись из подножных ресурсов, мы очень даже впишемся в общую неразбериху. Поэтому берем по минимуму. Главное, средства связи, пита-ние и индивидуальные пакеты. Все это импортного производства с нашей модификацией. Тут тоже к нам не подкопаешься. Главное – не выдать свою принадлежность к русским спецслуж-бам. Иначе на нас спустят полкана, и выполнение основного задания окажется под угрозой срыва. Вопросы, что и почему, оставим на потом. Со временем сами все поймете, а Бог даст, это и не понадобится».

Серов не понимал, что такого важного могло быть в стране размером с Московскую область. Судя по всему, чемоданчик геологов – ключевая деталь головоломки, но все остальное

пока совершенно неясно. Однако если командование решило использовать группу втемную, значит, для этого есть веские причины. Алексей не привык анализировать и подвергать сомнению приказы, какими бы абсурдными они ни казались. В таком духе была воспитана Дедом Морозом и вся группа. Это позволяло сконцентрироваться на выполнении поставленных задач и не загружать голову пустой работой.

...Преодолеть под водой дистанцию около километра не составило особого труда. Ребята хоть и не претендовали на соревнования с «морскими котиками», но плавали все очень прилично. Оставив Франка на огневом рубеже, остальные шестеро поплыли дальше на исходные позиции. Четверо во главе с Серовым собрались под днищем судна, ожидая, когда Дюк и Джэк займут позиции с другого борта, один ближе к корме, другой к носовой части. Наконец послышалось кваканье, которому специально учились, чтобы не подавать сигналы банальными ударами по металлу, демаскирующими ныряльщиков. Серов знаками отдал нужные приказы, и остальная четверка осторожно приблизилась к корме, готовясь к последнему броску. Решено было забираться на судно с самой нижней точки – с кормы. Первыми должны были подняться на борт Хук и Пистон, а Лобо и Рокер обеспечивали этот бросок в буквальном смысле своими плечами. Пистона, как самого тяжелого, выбросили на корму первым. Для этого, погрузившись втроем на два метра, обнялись и помогли Пистону устойчиво стать на полусогнутых ногах себе на плечи, а затем, резко всплыв, вытолкнули его на поверхность, дав достаточное ускорение для того, чтобы выпрыгнуть до уровня леера и ухватиться за него.

На палубе в это время находились двое. Один из механиков курил на корме, и, ориентируясь на огонек сигареты, Франк легко снял его, опустив прицел чуть пониже, на уровень груди. Плеск падающего тела обеспокоил вахтенного матроса, ловившего рыбу на освещенной носовой палубе. Заклинив удочку в якорной лебедке, тот осторожно пошел по борту в сторону кормы, и тут его настигла пуля, выпущенная Дюком. Выстрел получился не очень чистым. Пуля, скользнув по ребрам, разворотила бедолаге живот, и тот, вскрикнув, упал на палубу в тени надстройки, забившись в конвульсиях. Вахтенного офицера, дремлющего в рубке, на этот раз спасла собственная лень. Услышав неясный шум, он встрепнулся, глянул на экран локалатора, но, не обнаружив там никаких подозрительных засветок, снова откинулся в штурманском кресле, прикрыв глаза.

Вторым «взлетел» на палубу более легкий Хук. Его выталкивали уже вдвоем. К этому времени Пистон взял под контроль корму, готовый открыть огонь по любому, кто появится на палубе. Но никто не появился, и подоспевший Хук взбежал по трапу на мостик, легко вырубил дремавшего офицера и дал сигнал стрелкам, что можно подтягиваться к катеру. Серов вытолкнул вверх оставшегося с ним Рокера, а потом и сам взобрался на палубу по спущенному Рокером фалу. Четверо заняли ключевые точки на судне, распределили сектора обстрела и стали ждать, когда стрелки присоединятся к ним для завершающей атаки. Все люки и двери надстройки находились под контролем, и когда капитан, разбуженный чем-то или просто по нужде, решил выйти на палубу, его тут же оглушили и отправили отдыхать вместе с вахтенным помощником на мостик.

Пленить сонный экипаж удалось довольно быстро. Вернее сказать, не пленить, а обезвредить. Дело в том, что один из офицеров, почувствовав неладное, открыл стрельбу. На палубу из кормового кубрика вывалились несколько вооруженных матросов в neglige, и, согласно инструкции командира, их тут же хладнокровно перещелкали, чтобы избавиться на корню от непредвиденных случайностей. Остальные члены экипажа сдались на милость победителей. Всего живыми были взяты два офицера, включая капитана, и шесть матросов и механиков. Их разоружили и заперли в кормовой кубрик, который предварительно обыскали.

Под утро очухавшихся капитана и второго офицера вывели на палубу и поставили у леера. Вахтенный офицер тут же взбрыкнул на месте и, перепрыгнув через леер, скрылся под

водой. Трудно сказать, что с ним произошло, но как ни вглядывались члены группы в темное море, голова моряка так и не появилась на поверхности.

– Их что, плавать не учат? – пробурчал себе под нос Серов и, подойдя к молчаливому капитану, тихо спросил: – Вы говорите по-английски, сэр?

– Немного, – спокойно ответил капитан. – Вполне достаточно, чтобы ответить на все ваши вопросы.

Это был засидевшийся в чине каплея уже выдавший виды офицер, лет пятидесяти, с располагающим смуглым лицом. Серову он был по-человечески симпатичен, но, разумеется, на его судьбу это не могло повлиять – казнить или миловать, это определялось не соображениями личной предрасположенности, а практической целесообразностью того или иного действия. Сейчас было целесообразным сохранить жизнь остаткам экипажа в обмен на активное сотрудничество, а что будет завтра – это уже будет завтра.

– Вы можете гарантировать мне и членам экипажа жизнь? – спросил моряк, выслушав предложения Серова.

– Да, – ответил Алексей не моргнув глазом. – До тех пор, пока вы не угрожаете нашей жизни, вы в безопасности.

По приказу капитана один матрос и один моторист принялись за работу под присмотром двух десантников, и вскоре сторожевик уже снова несся по светлеющей вместе с рассветом воде. Обогнув архипелаг с востока, судно с первыми солнечными лучами оказалось у нужного острова перед широкой просекой, выломанной в мангровых зарослях упавшим здесь позавчера «Ил-76». Высокий киль и чернеющая пустотой пасть грузового отсека с отвалившейся челюстью аппарели виднелись с моря, а надломленные крылья и уткнувшийся в мелководье нос воздушного судна были спрятаны в молодой поросли мангровых деревьев, быстро выпрямившихся после неожиданного удара. Место выглядело пронзительно пустынным и необитаемым, а обломки самолета лишь подчеркивали его заброшенность.

Оставив у себя в тылу автоматическую пушку и крупнокалиберный пулемет под присмотром Вайса и Рокера и заперев капитана и экипаж в разных отсеках судна, снабженных дверями, Серов со своими людьми начал медленно продвигаться к самолету. Идти приходилось по колено в иле и по грудь в воде, на поверхности которой плавала радужная пленка авиационного керосина. Пары топлива смешивались с выделяющимся из-под ног болотным газом морского разлива и создавали вокруг идущих удушливую тошнотворную ауру. Кроме того, корявые ветви мангров цеплялись за одежду и рюкзаки, всячески мешая продвижению вперед.

Прошло минут двадцать, пока группа подошла к самолету и рассыпалась вокруг, исследуя окрестности. Серов ступил на скользкую от ила поверхность аппарели, вышел из воды и, тщательно отряхнувшись от налипшей грязи и водорослей, вошел в гулкий от пустоты грузовой отсек. Вынесли все до последней мелочи, остались лишь багажные сетки и крепежные ремни, не унесенные, наверно, потому, что были приклепаны к корпусу.

– Называется, приехали, – подумал вслух Алексей, присаживаясь на пассажирскую скамью у боковой стенки.

Теперь Серову стало ясно, насколько сейчас была важна для группы невидимая работа Виктора. Без его информации они обречены на бездействие и, возможно, на полный провал. Оставалось только молиться богу спецназа, если таковой имелся на небе, чтобы разведка не подвела.

«Интересно, а ведь встречу Виктора на улице и, пожалуй, не узнаю. Хотя где я могу его встретить? Да если и узнал бы, все равно пришлось бы пройти мимо. Чертова работа!»

Разведка не дремлет

Виктор попал в Эссекибо в первый день после захвата города креолами Примитиво Переса. Антильские негры в столице были рассеяны и убрались восвояси на запад страны. Жизнь в Сан-Кристобале стала налаживаться. Солдатам армии Переса под страхом расстрела наказали не грабить и не насиловать, так как генерал понимал, что без поддержки населения столицы власть в стране ему не взять. А между тем воздух города, казалось, звенел от напряжения, и все взоры теперь были направлены на восток, где собирал в кулак верные правительству части главнокомандующий генерал Ордоньес. После гибели президента власть по конституции перешла к кабинету министров, но министры медлили отдавать приказ о наступлении на столицу, обсуждая претензии спесивого генерала на чрезвычайные полномочия. Дело пахло новой диктатурой, и, зная характер Ордоньеса, никто не хотел самолично совать голову в петлю. Поэтому кабинет министров тянул время, лечась от скуки политической грызней, часто переходившей в плоскость личной нетерпимости.

Первым делом Виктор зашел в офис, который он снимал в центре Сан-Кристобаля. Офис был разгромлен «освободителями», которых давно и след простыл. Но Виктор не сильно расстроился, так как эта комнатуха в цокольном этаже доходного дома являлась лишь прикрытием для всего остального хозяйства, которое находилось за потайной дверью в коридорчике, ведущем в ванную комнату.

– Здравствуйте, сеньор Альберди! – поприветствовала его вышедшая из парадного подъезда консьержка, бывшая по совместительству и хозяйкой половины дома. – Давно вас не видно. Все в поездках? Как идет ваш бизнес?

– Грех жаловаться, сеньора Эррера. У меня разные интересы. Прогорел здесь, зато поднялся в другом месте. Латинская Америка так устроена.

– Да уж. Здесь вы точно прогорели. Ваш офис придется серьезно ремонтировать. У меня племянник работает в строительстве, так что, когда надумаете ремонтироваться, скажите мне.

– Непременно. Только я подожду, когда все это кончится. Мне кажется, это был не последний погром.

– Ох, скорее бы.

– Я пока вам оставлю сто долларов, пусть он через денек-другой починит дверь и повесит простенький замок, чтобы сюда не повадились какие-нибудь бродяги.

В потайной комнате Виктор переоделся, в арсенале подобрал себе подходящий пистолет с глушителем и взял три обоймы к нему. Из сейфа достал с десятков тысячедолларовых пачек и распихал их по карманам – в смутное время твердая валюта незаменима. Нужно навестить кое-кого в столице и окрестностях, а такие визиты могли потребовать расходов и не всегда заканчивались мирно. Включив компьютер, он прочитал накопившиеся в почтовом ящике сообщения, где находились несколько шифровок из Центра. Из них он узнал о судьбе самолета с посольскими работниками. Группе Лобо было приказано наведаться на злосчастный островок, разыскать чемоданчик геологов, ну и по возможности оказать помощь пассажирам самолета, если таковые на острове найдутся. Сам Виктор должен был оказать им необходимую поддержку.

«Как же! А что я с ними буду делать? Как мне их вывозить? Об этом написать забыли. О! А это что? Амадео Леон де Сиснерос жаждет встречи со мной. Срочно, важные сведения. Старый проныра что-то знает о смерти президента. В первую очередь к нему...»

Отписав в Центр, а также своим контактам в Венесуэле и Колумбии, которые должны заниматься переправкой группы Лобо, Виктор закрыл и тщательно замаскировал тайник и отправился в гараж, располагавшийся тут же, в подвале дома. Слава богу, гараж не пострадал, и его джип находился в отличном состоянии под присмотром местного механика.

Дон Амадео Леон де Сиснерос был бессменным управляющим президентского дворца и на своем веку служил пяти президентам, не считая диктатора Дионисио Канданедо. Половине из его подопечных, как и последнему президенту Деметрио Уберта, не удалось дожить до конца своего срока. Кроме важной работы, у де Сиснероса имелось два хобби, о которых Виктор узнал не случайно, а после тщательного исследования биографии мажордома-старожила. Ему нужен был информатор в президентском дворце, и дон Амадео подходил для этого как нельзя лучше. Его две страсти – молодые мужчины и коллекционирование раритетов – требовали больших денег, а с возрастом его расходы все более возрастали, и он всячески искал возможность увеличить свои доходы. А тут откуда ни возьмись к нему явился Виктор с предложением этих самых так необходимых ему больших денег в обмен на информацию. Кроме денег, Виктор пообещал хранить в тайне факты хищения раритетов в государственных учреждениях под видом благоустройства дворца главы государства и, уж конечно, помалкивать о нетрадиционной ориентации мажордома. Де Сиснерос вынужден был согласиться скрепя сердце, но скоро втянулся и стал добывать ценнейшие сведения по собственной инициативе.

– Рад вас видеть в добром здравии, дон Амадео, особенно в свете последних событий. – Виктор, подыгрывая старику, использовал в общении с ним витиеватую выпренную манеру речи, в которой тот здорово поднаторел за годы службы на местном олимпе. – Чем обязан вашему столь срочному вызову? Неужто вы вспомнили о моих мелких пристрастиях к чужим тайнам в столь трагический для страны момент?

– Честно говоря, когда началась эта вселенская смута, меня обуяла гордыня, и я решил запечатлеть все это для истории, ну и увековечить свое имя, написав книгу или сценарий для фильма. Но то, что случилось, меня настолько ужаснуло, что честолюбивые помыслы очень быстро сошли на нет. Возникло желание поскорее избавиться от этого знания и обезопасить себя не только физически, но и материально.

– И тут вы, конечно, вспомнили обо мне. Мудро и своевременно. Что именно у вас есть?

– Все. Я расставил во дворце почти все ваши камеры, и новые, и старые. Чтобы ничего не пропустить. Есть запись убийства начальника президентской гвардии, расстрела сотрудников аппарата и персонала дворца и убийства самого президента.

– Как я понимаю, вы предусмотрительно в это время держались от дворца подальше, чтобы не искушать судьбу?

– Именно так. Вы бы видели этого Октавио Дугласа! Сразу было ясно, что он сущий изувер. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что такого человека прислали только убивать.

– Подождите-ка. Кто прислал?

– Ордоньес! Кто же еще. Ведь Октавио – это побочный сын Ордоньеса от той певички, американки, что крутилась тут лет двадцать назад. Вы, конечно, не можете ее помнить. Та еще штучка.

Мозг Виктора заработал как компьютер, выстраивая схемы и заполняя информацией пустые поля в них. «Значит, все-таки Ордоньес. Похоже, он все знал и поспешил убрать президента, будучи уверенным в его неминуемом переизбрании. И вся эта заварушка – это лишь дымовая завеса для его наполеоновских планов. Теперь, по крайней мере, я знаю, что делать. И волкодавы придутся очень кстати».

– Дон Амадео, я когда-нибудь обманывал вас?

– Не помню такого случая. Встречу с вами я считаю одной из крупнейших удач в моей жизни.

– Тогда слушайте меня и соглашайтесь. Если дело обстоит так, как вы говорите, то будущий президент будет вашим должником навеки. Эта информация должна работать. Пока я могу предложить вам пять тысяч наличными на расходы и чек на сто тысяч на предъявителя.

Позже я смогу помочь вам и с книгой, и с фильмом, но сейчас главное запустить информацию в дело и тем самым отвести опасность от вас.

– Вы думаете, мне угрожает опасность?

– Пока материалы у вас – да.

Старик поморщился, не пытаясь скрыть внутренней борьбы, происходившей в его мозгу. Страх и жадность боролись в нем, не давая разуму принять рациональное решение. Но все же страх победил, и старик нехотя согласился. Он достал из-под кресла, на котором сидел, несессер из тисненой кожи и отдал его Виктору.

– Вынужден согласиться на ваши условия. Здесь все материалы. Все равно Агила мне бы не нашел такого варианта...

«Этого еще не хватало!» Агила был преуспевающим столичным журналистом, специалистом по грязным скандалам и разоблачениям, а также одним из фаворитов де Сиснероса. «Старикашка, видно, работал на два фронта. Этот Агила за сенсацию мать родную продаст. Не дай бог, он что-то узнает – обязательно все испортит».

– Что вы сказали Агиле? То же, что и мне?

– Да нет же. Вас так долго не было, и я поговорил с ним. Я сказал, что у меня есть серьезный материал, который ему не по зубам, но что если он найдет покупателя по рангу, то я отдам ему двадцать процентов. Почему вы на меня так смотрите?

– Вы что-то говорили ему обо мне? – спросил Виктор с улыбкой, чтобы успокоить де Сиснероса, между тем уже приняв решение о судьбе мажордома. – Не стоит упоминать мое имя, особенно при нем.

– Нет, что вы! Он о вас ничего не знает.

«Раньше надо было думать. Теперь уже все равно». Продолжая улыбаться, Виктор выбросил вперед левую руку и будто чуть коснулся горла старика. Тот мгновенно побагровел, потом лицо его резко побледнело, и он с хрипом повалился на стол, выбив из толстой столешницы глухой глубокий звук. Виктор смахнул со стола чек и пачку купюр, чтобы не оставлять никаких следов своего пребывания здесь.

В это время в дверь, ведущую в патио, тихо постучали.

– Амадео! Открой! Это я, Кристиан Агила.

«Легок на помине», – успел подумать Виктор, инстинктивно прячась за кресло мертвеца, которое оказалось единственным местом в просторном зале, где можно было укрыться от той опасности, которую он почувствовал в интонациях Агилы. В этот момент дверь с грохотом распахнулась от удара снаружи, и в нее вломились, судя по звукам, два человека, но, без сомнения, еще кто-то оставался снаружи с Кристианом. Виктор решил не ждать и воспользоваться преимуществом внезапности. Момент его появления из-за кресла и сухой щелчок выстрела практически совпали по времени. Инстинкт не подвел его и на этот раз. Одна из темных фигур, стоявших на фоне светлого дверного проема, согнулась и со стоном упала на пол. Второй грома, не успев еще привыкнуть к сумраку зала, пальнул наугад в навалившееся на стол тело хозяина дома, а сидевший на корточках в метре от кресла Виктор выстрелил второй раз и, не утруждая себя созерцанием падения второго незваного гостя, метнулся к двери и присел у косяка. Тот, кто находился снаружи, окликнул своих товарищей по именам, а потом послышались осторожные шаги. Когда тень закрыла дверной проем, Виктор чуть выглянул и выстрелил снизу вверх, всаживая пулю под диафрагму третьему из гостей, так и не успевших отведать хлеба-соли. Пока стоявший на пороге человек медленно оседал на пол, Виктор подскочил к нему, обхватил его одной рукой и, выставив вперед другую руку с пистолетом, вытолкнул умирающего наружу, следуя вплотную за ним.

– Это не я! Я не знал! – пятась, пролепетал испуганный Агила.

– Заткнись! – прошипел Виктор. – Сколько их?

– Еще один в джипе у главного входа. Больше никого.

– Чьи это люди? – Виктор оттолкнул от себя мертвое тело, поняв, что защищаться больше не от кого.

– Это гвардейцы из батальона Октавио Дугласа. Они сказали, что только поговорят с Амадео. Вы мне верите?

– Конечно, верю.

Не глядя на ставшего ему неинтересным журналиста, Виктор нажал на спусковой крючок и пошел к калитке в глубине патио. Он и без осмотра точно знал, что пуля попала в переносицу, и то, как именно и когда упадет тело горе-писаки.

...Теперь ему нужно было быстро двигаться и много думать, чтобы связать все ниточки в один узел и попытаться подергать за них, меняя ситуацию в свою пользу. Никто не знал, что одна офшорная компания, представлявшая собой ширму крупной российской корпорации, заключила с республикой Эссекибо в лице ее президента Деметрио Уберта секретный договор о разработке уранового месторождения, найденного российскими геологами на плато Месета-де-Олвидо. По оценкам ученых, прибыль от разработки этого месторождения в несколько тысяч раз превышала бы ВВП страны. Без сомнения, соглашение о добыче урана стало бы катализатором для притока капитала, повышения уровня жизни и, как следствие, неминуемого переизбрания президента на второй срок. По-видимому, где-то произошла утечка информации, и что-то пронюхавший министр обороны, давно жаждавший поста президента, решил пойти ва-банк, чтобы добиться своего. Первая часть его плана сработала без сучка и задоринки. Спровоцированная его агентами гражданская война позволяла ему стать спасителем нации и бесспорным кандидатом на пост главы государства. А разработка урана в стране была залогом безоблачного и неограниченного правления. Игра стоила свеч, и стареющий генерал решил поставить на кон все, чтобы снять куш.

Виктор еще три месяца назад просчитал эту схему как возможный вариант развития событий и представил свои предложения по устранению властолюбивого генерала с политической сцены. Но тогда к ним не прислушались, и вот теперь ему приходилось расхлебывать эту кашу, сваренную из чьей-то недалекости и невежества.

Сейчас ему нужно было нанести несколько очень важных визитов, где не требовались ни деньги, ни оружие, а лишь его дар убеждения, его способность превратить свои цели в чаяния других людей. Сам он не смог бы сделать ничего, но были люди, убедив которых можно достичь многого.

Примитиво Перес, поняв, что большая часть вооруженных сил не примкнула к его «армии», начал подкованную игру с кабинетом министров и аристократией в надежде получить их поддержку и втиснуться в президентское кресло не мытьем, так катаньем. Поэтому его части не препятствовали свободному перемещению по стране и всячески охраняли семьи важных правительственных чиновников и высшего офицерского состава, оставшиеся в столице. Пользуясь этим, Виктор без особых происшествий добрался до городка Вильянуева, куда переехал кабинет министров в начале беспорядков. Пару раз его остановили на блокпостах, но надежный пропуск, полученный с помощью знакомого землевладельца, личного друга Переса, открывал любые двери в зоне его влияния.

В другое время, чтобы попасть на аудиенцию к министру, нужно было бы долго и бессмысленно шататься по чиновничьим кабинетам, доказывая необходимость своего визита, но теперь министры стали более сговорчивыми. Тем более что у Виктора имелись давно налаженные связи с управляющим делами совета министров (а попросту министерским завхозом), которому Виктор не раз оказывал неформальные услуги, касавшиеся поиска антиквариата и перевозок специфических грузов, не подлежащих таможенному досмотру. Многие из министров косвенно являлись его клиентами. Поэтому приглашение на завтрак к министру печати и образования не застало Виктора врасплох. И вообще, это был хороший знак. Завтрак, пожа-

луй, единственное приватное мероприятие для правительственных чиновников, и в это время можно было посекретничать, не привлекая лишнего внимания.

– Я слышал о вас много отзывов, как о человеке ловком в делах весьма специфических. Что же вас привело ко мне сейчас, в столь смутные для страны времена, когда мы полностью заняты делами спасения нации и не можем отвлекаться на мелочи?

– Осмелюсь предположить, ваше превосходительство, что дело, с которым я пришел к вам, напрямую касается спасения нации. – Виктор решил сразу брать быка за рога, не особенно расшаркиваясь с придворным конформистом. – Мало того, если вы правильно распорядитесь этой информацией, то сможете вписать свое имя в историю страны как один из ее спасителей.

– Это интересно. – Видимо, тон был взят правильно, так как министр не мог скрыть своей заинтересованности особенно к последним посулам Виктора. – Пройдемте в мой кабинет. Там нам никто не мешает.

После часовой беседы и просмотра копий материалов, добытых отправившимся в мир иной мажордомом президента, министр засел за телефон, срочно созывая своих единомышленников на пешую прогулку в парке. Добившись согласия министра внутренних дел и министра промышленности, он с облегчением откинулся на спинку кресла и внимательно посмотрел на Виктора.

– То, что вы мне показали, просто ужасно! Вы сильно рискуете. Не может быть, чтобы вы занимались столь опасным делом без своего личного интереса. Что нужно лично вам от всего этого?

– Я здесь как посредник, и моя работа будет щедро оплачена заказчиком.

Такой ответ отчасти успокоил министра, так как он не доверял людям, рискующим жизнью за идею. Однако его беспокоило то, что он не мог идентифицировать заказчика. Кому может быть так интересно политическое устройство Эссекибо?

– Тогда кто же стоит за этим? И какие цели он преследует? Мы не можем действовать вслепую.

– Увы, могу сказать немного. Есть крупные бизнесмены, которые хотели бы инвестировать в экономику страны. По-моему, они собираются сделать здесь что-то вроде Карибского Монако. Элитный курорт, казино, льготы по налогам. Привлекает их именно то, что Эссекибо мало кому известно, и на первом этапе никакой конкуренции не предвидится. Но сами понимаете, что свободная экономическая зона и курортный рай плохо гармонируют с диктатурой убийц. А Ордоньес и его пасынок просто уголовники...

– Да, в любом случае с ними нужно что-то решать. Но кого бы хотели видеть ваши клиенты на посту главы государства?

– Любую политическую фигуру, победившую на свободных выборах. Но чтобы добиться этих выборов, нужно свалить Ордоньеса, а для этого нужна сила. Военная сила. И мне кажется, только один человек может принять такой вызов. Это полковник Фонтекавада.

Министр замер, будто его внезапно разбил паралич, но в глазах его читалась активная мозговая деятельность.

– А ведь возможно! – сказал он после продолжительной паузы. – Он из тех ненормальных, которые всегда держат слово и соблюдают законы. Поэтому так и остался в тени, хотя в свое время ему прочили блестящее будущее. Ну что ж, посмотрим, как мы можем использовать все это...

Женщина на корабле

– Лобо! У нас кое-что есть, – послышался голос Лаки, просунувшего голову в рваное отверстие в боку самолета. – Похоже, мы нашли одного из посольских.

– Жив? – отозвался Серов.

– Нет. Но там есть кое-что интересное.

– Сейчас я спущусь. Тут все равно делать нечего.

Пройдя метров сто в указанном Лаки направлении, Алексей вышел к протоке, где вскоре нашел Вайса и Джэка, склонившихся над телом мужчины, застрявшим между мангровых стволов.

– Что у вас? – поинтересовался он, морща нос от сильного запаха разложения.

– Интересное кино, – начал говорить Вайс. – Труп имеет огнестрельную рану под левой лопаткой, но причина смерти была иной.

– Что ты имеешь в виду?

– Характерные гематомы и вывернутые суставы указывают на предшествовавшие смерти сильнейшие мускульные спазмы, сопровождавшиеся разрывом тканей, – продолжал Вайс авторитетно. – Это очень похоже на побочное действие некоторых препаратов для подавления воли, используемых при допросах. Когда в него стреляли, он или уже умер, или был без сознания.

– И еще у него нет ремня, – добавил Джэк. – Тот, кто его допрашивал, еще и взял зачем-то ремень.

– Похоже, это наш контакт, Минаев, – задумчиво сказал Алексей. – На фото, что мне показывали, он, конечно, выглядел посвежее. Именно он включил систему оповещения во время падения самолета и активировал защиту чемодана геологов. Шифры знал только он. Вайс, проверь сигнал маяка.

– Уже проверял. Радиосигнала нет. Если чемодан упал в воду, то радиоволны гасятся.

– Это новая модель. У него есть гальваноэлемент, использующий морскую воду. На него запитан акустический маячок. Проверь.

Рядом послышался треск веток, хлюпанье, и вскоре из кустов вывалился Дюк. Он и в промокшем, обляпанном грязью комбинезоне умел выглядеть аристократично. Согласно семейной легенде, он был отпрыском княжеского рода, отчего и получил прозвище Князь, измененное на время операции на Дюка. В руке он бережно держал какой-то окровавленный белый лоскут.

– Что это у тебя? – спросил Алексей, присматриваясь. – Женская прокладка, что ли? Зачем ты ее притащил?

– Это не прокладка, а послание нам. – Ответил Дюк с отсутствующим видом. – На острове кто-то есть, и этот кто-то женщина.

– Может, это оставила одна из женщин с упавшего самолета, – скептически парировал Джэк. – Или урна выпала при падении.

– Ничего подобного. Кровь свежая, и она из вены... Ею пользовались для остановки кровотечения из небольшой раны. Если бы хотели спрятаться от нас, то прокладку затолкали бы под куст. Но ее оставили на виду. Кроме того, она совершенно белая, за два дня успела бы замусолиться.

– И в чем же состоит послание?

– Нам сообщают, что на острове женщина, что она ранена и что желательно не пристрелить ее сдуру.

– Да ты прямо Пуаро! – усмехнулся Джэк. – Сколько можно увидеть в обычной прокладке.

– Хватит зубоскалить, Джэк. Он прав. Это вполне может быть сигналом. Пойдите вдвоем, обшарьте протоку. Где-то должна быть твердая земля. Если здесь кто-то и есть, то уж точно не сидит в воде.

...Серов чувствовал, что почва уходит из-под ног. Нужно было перенестись почти на десять тысяч километров, чтобы найти разбитое корыто на вонючем мангровом острове. Отсутствие людей и груза говорило о том, что все вывозили централизованно и на более крупном транспорте, чем сторожевик. Значит, были задействованы вооруженные силы. Однако никакой информации о спасенных через официальные каналы получено не было. Или не успели передать, или не хотели. Вопрос – почему? Виктор темнит, не раскрывает всех карт, а источников информации, кроме его сообщений, у них не имеется.

Капитан катера сказал, что приказ о патрулировании архипелага был передан непосредственно из ставки командующего. О потерпевшем крушение самолете и его пассажирах он ничего не знал, но ему дали отчетливо понять, что следует ждать гостей из нейтральных вод или с воздуха, которых нужно будет немедленно уничтожить. Значит, высшие армейские чины или знали о готовящейся высадке, или предполагали, что она состоится. Получается, армия заинтересована в том, чтобы самолет и его пассажиры исчезли бесследно, а вместе с ними и те, кто придет их искать. «Задача!»

И еще оставался этот ящик геологов. Защита была активирована после аварийной посадки, но через полчаса сигнал исчез. Военные за это время не могли подоспеть к самолету. Скорее всего это сделал тот, кто допросил и убил Минаева. Сигнал пропал и больше не был зарегистрирован. Спрятать чемодан в самолете невозможно. Там находились люди. Значит, его утопили и больше не доставали, иначе сигнал снова появился бы, пусть и на короткое время. «Ящик должен быть на острове».

– Командир, есть две новости, – обычно непроницаемое лицо Вайса выглядело обескураженным.

– Давай с хорошей, – мрачно сказал Алексей.

– Я поймал акустический сигнал чемодана. Очень много помех, поэтому сразу определить место я пока не могу. Но он где-то у протоки, недалеко отсюда. Скоро его найдем...

– Ну а вторая новость? Режь уж сразу!

– Пришло сообщение от Виктора. Он тяжело ранен. Нужна операция, и скорее всего несколько дней он будет недосыгаем, если, конечно, выкарабкается.

– Черт! Теперь приехали окончательно. Он еще что-то сообщил?

– Да. Есть координаты точки сбора и описание тайника неподалеку. Там документы, которые нужно передать одному человеку. Инструкции будут в тайнике или у человека, который принесет посылку. О судьбе посольства пока ничего.

– Ладно, хорошо хоть так. – Лицо Серова вмиг посуровело, но никакой паники он не испытывал. – Значит, теперь наш выход. Есть работа. Ты смотри, если найдешь чемодан, то никому ничего не говори. У него есть гнездо для антенны и пульт. Вот здесь все, что нужно. Подсоединишь антенну, наберешь этот код с карточки и вставишь в гнездо микрочип. Потом снова утопишь чемодан, но так, чтобы антенна оказалась на плаву.

Серов передал Вайсу герметически закрытую пластиковую коробку с принадлежностями для спецчемодана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.